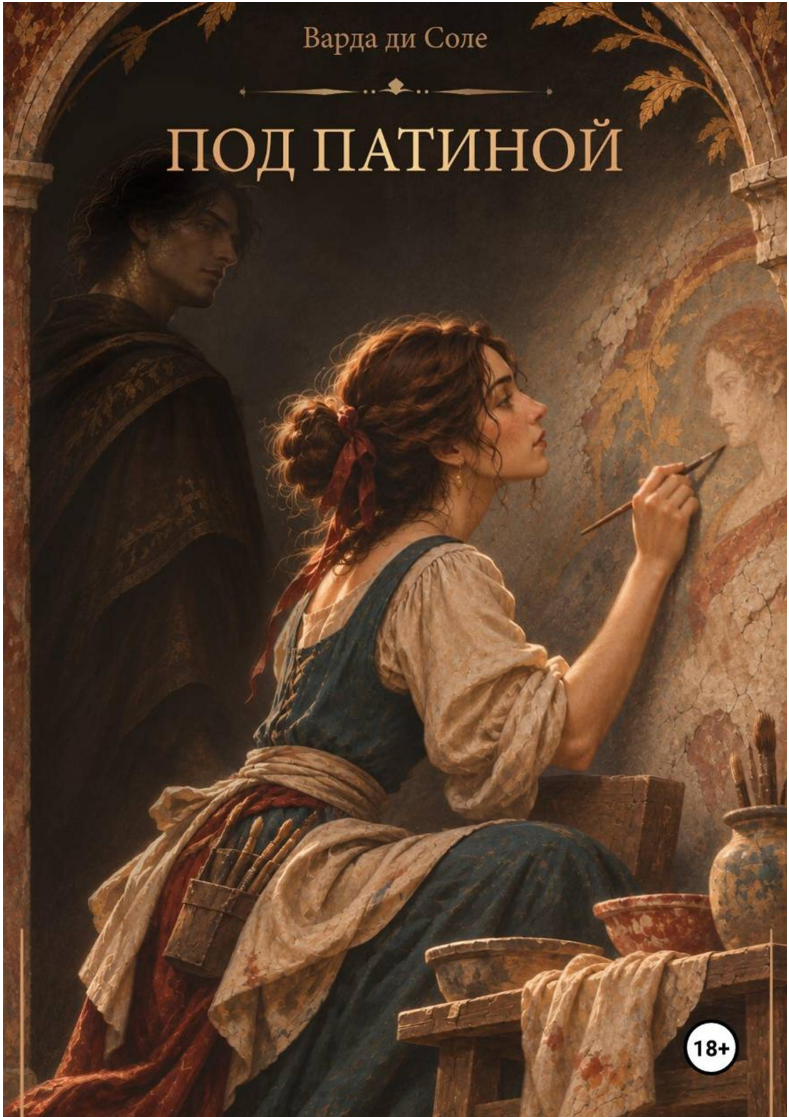
Варда ди Соле

ПОД ПАТИНОЙ



18+

Варда Соле
Под патиной

https://litres.ru/74901522
SelfPub; 2026

Аннотация

Кьяра Ланди — реставратор. Она привыкла иметь дело с тем, что пережило своих создателей: старинными фресками, потемневшей краской и историями, которые время не смогло стереть.

Когда долги угрожают лишить её мастерской, Кьяра берётся за заказ кардинала Монтальдо. В его капелле под старым «Благовещением» скрывается другая роспись, которую заказчик предпочёл бы навсегда оставить под слоем краски.

Вскоре у Кьяры появляется ещё один заказчик — загадочный Кассиан. Его дом хранит собственные тайны, а сам он оказывается куда сложнее, чем можно предположить при первой встрече.

В старинной Италии, где у каждого дома своя история, а некоторые обещания переживают века, Кьяре предстоит разобраться в прошлом, которое не желает оставаться прошлым. И, возможно, найти нечто, чего она совсем не искала.

Содержание

Глава 1. Глаза под Благовещением 4
Конец ознакомительного фрагмента. 14

Под патиной

Глава 1. Глаза под Благовещением

Небо на потолке купца Бельтрами было написано лет сорок назад. Кто-то торопливый, щедрый на синюю краску и скупой на терпение, закрыл им то, что было здесь раньше.

Кьяра лежала на спине на верхнем настиле лесов — свод нависал так близко, что до него можно было дотянуться рукой, — и третий день снимала это небо по кусочку размером с ладонь. Утренний свет из окон шёл снизу и ложился на штукатурку косо. Так было видно каждую неровность, каждый мазок, положенный не туда.

Она смочила тампон, дала раствору подействовать и коснулась синевы. Потом подождала. Поздняя краска сначала потемнела, затем поддалась, и на вате осталось грязно-голубое пятно. Под ним проступил бледный край листа: настоящая гирлянда, лимоны и лавр, написанные по сырому кем-то, кто знал своё дело.

Кьяра повернула лупу к свету. Лист был цел. Чуть левее краска оригинала лежала тоньше, местами до самого грунта, и поздняя запись держалась на ней крепче, чем следовало бы.

Здесь можно было пройти ещё на палец, и, возможно, лимон показался бы целиком. А возможно, вместе с синевой

ушёл бы и он.

Она взяла уголь и обвела на штукатурке границу, за которую сегодня не пойдёт. Потом записала в тетрадь: участок над окном, оригинал ослаблен, расчистку остановить, решить после укрепления.

— Синьора Ланди! — донёсся снизу голос управляющего. — Хозяин спрашивает, к Пасхе небо будет?

— Неба не будет, — ответила она, не поворачивая головы. — Будут лимоны. Хозяин платил за то, что под небом.

Управляющий что-то пробормотал и ушёл. Кьяра вытерла пальцы о передник и ещё раз посмотрела на угольную черту. Она не любила останавливаться. Но давно научилась: то, что снято, уже не вернёшь.

Мастерская на улице Кожевников пахла клеем, известью и холодной золой. Это был запах маэстро Аньоло, и за четыре года он не выветрился: старик въелся в балки, в стопки картонов, в рабочий стол с прожжённым углом.

Письмо лежало на этом столе, поверх эскизов. Его просунули под дверь, а кто-то из соседей поднял. Кьяра узнала печать прежде, чем сломала её.

Меняла Скарпа писал вежливо, как пишут люди, которым некуда спешить. Сумма долга маэстро Аньоло с процентами. Срок — после Пасхи. При неуплате мастерская со всем инструментом и картонами переходит в его распоряжение «ради возмещения». Внизу, мелко: он чтит память покойного и надеется на понимание.

Кьяра дочитала, сложила письмо по сгибам и положила обратно. Потом огляделась, будто впервые: леса, разобранные у стены, ящик с кистями, полка с пигментами в глиняных горшках. Картоны двух её собственных фресок — сами фрески остались в деревенских капеллах, куда не заглянет ни один заказчик.

Без мастерской она станет подёнщицей на чужих лесах. Будет работать под чужим именем и получать столько, сколько дадут.

В дверь постучали. На пороге стоял молодой человек в тёмно-красной ливрее, промокший до колен, с чернильными пятнами на пальцах.

— Синьора Кьяра Ланди, реставратор?

— Я.

— Его высокопреосвященство кардинал Монтальдо просит вас пожаловать в палаццо. Сегодня, если вам будет угодно.

— Мне будет угодно, — сказала она. — Только руки вымою.

Палаццо Монтальдо стояло в старой части города, где улицы так узки, что балконы почти касаются друг друга. Фасад потемнел от времени, мрамор у входа стёрся ступенями сотен лет. Внутри было тепло и тихо, и пахло воском.

Кардинал принял её сам, без секретаря. Высокий, сухой, лет шестидесяти, в домашней сутане, с перстнем, который он не выставлял напоказ. Говорил негромко и смотрел вни-

мательно — так смотрят люди, привыкшие, что их слушают.

— Мне сказали, вы снимаете поздние записи, не трогая того, что под ними, — сказал Федерико Монтальдо. — Мне нужно обратное.

— Обратное, ваше высокопреосвященство?

— Пойдёмте. Проще показать.

Он повёл её по коридору с тёмными портретами к низкой двери в конце. За дверью оказалась капелла — небольшая, в три шага шириной и в восемь длиной. Под сводом горела лампада. Воздух был холоднее, чем во дворце, и сырее.

В правой стене, почти у самого алтаря, была вторая дверь, тяжёлая, на засове изнутри.

— В переулок, — сказал кардинал, заметив её взгляд. — Ею не пользуются уже много лет.

Над дверью — узкое окно в свинцовом переплёте. Левая стена гладкая, без пилястр.

— За ней соседний дом. Стена у нас общая.

Кьяра кивнула и повернулась к алтарной стене.

«Благовещение» занимало её почти целиком. Ангел опустился на одно колено слева, Дева сидела справа под аркой, между ними лилия в вазе и луч, косо падающий из угла. Написано было добротно, но тяжеловато, в манере, давно вышедшей из моды. Краска лежала на стене иначе, чем лежит фреска: не внутри штукатурки, а поверх неё, плёнкой.

И плёнка эта облезала.

Кьяра подошла ближе. По всей нижней половине и осо-

бенно у левого края краска вспучивалась мелкими пузырями, кое-где отставала чешуйками, тонкими, как облатка. В трещинах белел налёт, похожий на иней. Она провела пальцем рядом, не касаясь живописи, и палец остался сухим, но холодным.

— Соли, — сказала она. — Стена тянет воду, вода выносит соль, соль рвёт краску изнутри. Вы чинили крышу?

— Трижды.

— И не помогло.

— Как видите.

Она пошла вдоль стены, разглядывая. Утраты были небольшие, с ноготь, с монету. Одна, чуть крупнее, располагалась у самого крыла ангела, там, где перья переходили в тень.

Кьяра остановилась.

Под осыпавшейся краской не было голой штукатурки. Там было другое изображение. Небольшой, с половину ладони, кусок чужой живописи — чистой, плотной, совсем другого письма. Глаз. Миндалевидный, чуть удлинённый к виску, с тяжёлым веком. Радужка цвета старого золота, тронутого зеленью, как монета, пролежавшая в земле.

Глаз был написан другой рукой. Рукой мастера — Кьяра поняла это сразу, как понимают голос в соседней комнате. И написан не по сухому, как «Благовещение», а по сырой штукатурке, в настоящей фреске. Он смотрел не на Деву и не на ангела. Он смотрел прямо перед собой — в капеллу.

— Под «Благовещением» есть другая роспись, — сказала она.

— Есть. — Кардинал не удивился. — Ранняя. Тёмные времена, госпожа Ланди. Не всё, что писали тогда, годилось для молитвы. Мои предки сочли за лучшее её закрыть.

— Что на ней?

— То, что было закрыто.

Он сказал это мягко, без нажима. Кьяра посмотрела на него, потом снова на глаз. Она видела немало записей, и каждую делали по своей причине: из благочестия, из бедности, из моды, по невежеству. Но закрывать работу такого мастера изображением куда слабее — для этого нужна была очень веская причина.

— Вам нужно, чтобы я укрепила верхний слой, — сказала она.

— Именно. Чтобы «Благовещение» держалось. Сколько возможно.

Договор писали в кабинете кардинала, у окна, за которым моросил дождь. По звонку кардинала вошёл секретарь, тот самый тихий молодой человек с чернильными пальцами, что приходил за ней, сел к конторке и записывал под диктовку.

Сумму Федерико назвал сразу. Кьяра не переспросила: она покрывала долг Скарпе и оставляла ещё на год работы.

— Пункт следующий, — сказал кардинал и чуть повернулся к секретарю. Впервые за весь разговор в его голосе появилось что-то похожее на твёрдость. — Мастер обязуется

не раскрывать намеренно нижний слой росписи. Не повреждать верхнее изображение. Не расширять уже имеющихся утрат. Не снимать верхний слой ни в каком месте ради изучения нижнего.

Секретарь писал. Кьяра ждала, пока он закончит.

— Ваше высокопреосвященство, — сказала она, — я подпишу это. Но не в таком виде.

Федерико поднял брови.

— Чтобы укрепить краску, мне нужно знать, на чём она держится. Где отстаёт, насколько глубоко ушла соль, что под ней — штукатурка или другая краска. Для этого нужны пробы — небольшие и только там, где без них укрепление невозможно. И то, что уже открыто, — вот этот глаз и всё, что откроется само, когда отвалится следующая чешуйка, — я должна зарисовать и описать. Так работает любой реставратор, который отвечает за свою работу. Если вы найдёте того, кто согласится работать вслепую, — наймите его. Только через пять лет вам снова понадобится мастер, и стена будет хуже, чем сейчас.

Кардинал молчал долго. Дождь стучал по подоконнику.

— Исследования и пробы — лишь в той мере, в какой они необходимы для укрепления верхнего слоя, — наконец сказал он секретарю. — Описание участков, уже открытых и тех, что откроются сами при осыпании. Прочие запреты остаются. Ничего сверх того.

— Ничего сверх того, — согласилась Кьяра.

Перо скрипнуло. Федерико смотрел на неё поверх сложенных пальцев.

— Вы торгуетесь, как человек, которому есть что терять.

— Мне есть что терять, ваше высокопреосвященство. Потому и торгуюсь.

Он едва заметно улыбнулся — кажется, одобрительно.

Кьяра подписала. Чернила легли ровно. Скарпа получит своё, мастерская останется за ней. Но ни один заказчик за все её годы сам не диктовал пункт о том, чего ей нельзя видеть.

Вечером она вернулась. Слуга у бокового входа кивнул ей, как знакомой, и проводил до капеллы. Ключ остался у него.

Леса привезут завтра. Сегодня Кьяре хватило складной скамьи, фонаря и свечи в медном подсвечнике.

Капелла ночью была другой. Лампада под сводом почти не давала света, и стена уходила вверх в темноту. Кьяра поставила свечу на скамью, открыла ящик, разложила на холстине мягкие кисти, скальпель, вату, флакон. Сначала — просто смотреть.

Она поднесла свечу сбоку, почти вплотную к стене, и медленно повела вверх. В косом свете поверхность ожила: каждая вспученная чешуйка отбрасывала тень, каждая трещина становилась канавкой. Соль в трещинах не просто белела — она поднималась тонкими иглами, как изморозь на окне.

Чтобы понять, насколько глубоко ушла соль, Кьяра мягкой кистью смахнула налёт с небольшого участка у основания стены, там, где краска уже отошла и терять было нечего.

Соль сыпалась на холстину сухо, с еле слышным шорохом. Под ней штукатурка была тёмной от влаги.

Она прижала ладонь к голой стене ниже росписи. Холодная. Влажнее, чем должна быть стена в доме, где топят, и холоднее, чем пол под ногами.

Кьяра нахмурилась и прошла со свечой вдоль всей стены. Выцветы лежали неровно. Гуще всего — у левого края, ближе к общей стене с соседним домом, и там же краска отставала сильнее всего. Почему именно там, она пока не понимала.

Она записала это в тетрадь. Потом записала ещё раз, другими словами, чтобы завтра не усомниться в том, что видела.

За пределами участка у основания стены Кьяра сегодня ничего не трогала. Шевелящиеся чешуйки только отмечала углём. Укреплять будет потом. Сейчас нужно было понять, сколько у неё времени.

Выходило, что меньше, чем думал кардинал.

Свеча догорела наполовину. Кьяра выпрямилась, потёрла затёкшую поясницу и, против воли, снова посмотрела на крыло ангела.

Глаз был там. В свете свечи золото в радужке отливало зеленью, и казалось, что тень от пламени шевелится внутри зрачка. Обман света — она видела такое сотни раз.

Но смотреть на него всё равно не хотелось.

Она отвернулась, взяла свечу, чтобы собрать инструмент, — и только тогда заметила, что на улице пошёл дождь. Он стучал по свинцовому переплёту узкого окна над дверью в

переулок.

За окном, в переулке, стоял человек.

Кьяра не сразу поняла, что видит. Тёмная фигура у противоположной стены, без фонаря, без плаща. Дождь лил на него, а он не двигался. Лица в темноте было не разглядеть. Только силуэт — высокий, прямой. Так не стоит ни прохожий, ни нищий, ни ночной сторож.

Он смотрел на капеллу.

Не на окно, где горела её свеча, а дальше, на угол капеллы. Туда, где внутри, за камнем и штукатуркой, у крыла ангела, золотом смотрел из-под краски чужой глаз.

Кьяра стояла не дыша. Человек в переулке не шевельнулся.

Она медленно опустила свечу ниже подоконника, туда, где её не было видно снаружи. В капелле стало темнее. И Кьяра вдруг очень ясно ощутила, что стоит одна, ночью, в чужом доме, спиной к стене, которую кто-то — и, похоже, не одно поколение — очень старался держать закрытой.

Когда она снова решилась выглянуть, переулок был пуст.

Только дождь, мокрый камень и чёрная вода в желобе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.